Ковалев А. С. «Гастролерство» инвалидов как социальная проблема 1920-х годов: поиски решения (на материалах Сибири) / А. С. Ковалев // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 317—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-317-334.

Kovalev, A. S. (2019). "Touring" of Disabled People as Social Problem of 1920s: Search for Solutions (on Materials of Siberia). *Nauchnyi dialog*, 5: 317-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-317-334. (In Russ.).

УДК 94(47)“192”:316.47

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-317-334

«Гастролерство» инвалидов как социальная проблема 1920-х годов: поиски решения (на материалах Сибири)

© Ковалев Александр Сергеевич (2019), orcid.org/0000-0002-5372-8930, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия), профессор кафедры социальной педагогики и социальной работы, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия), alexkovaleff@yandex.ru.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения исторических особенностей такого феномена, как «мошенничество инвалидов», который возник в первое десятилетие советской власти на территории РСФСР и получил название *гастролерство*, когда лица, не имевшие права на получение социального обеспечения, получали его, приписав себе заслуги инвалида труда, войны или старости. В статье анализируются характерные особенности «гастролерства», позволяющие рассмотреть специфику этого явления, знакомство с которым позволяет сделать вывод о том, что это была не только социальная проблема периода нэпа, но и в определенной степени образ жизни многих исключенных из социума граждан. Приводятся случаи «гастролерства», помогающие читателю понять, было ли это сознательное мошенничество или же способ выживания. Уделяется внимание деятельности органов социального обеспечения и комитетов помощи инвалидам и красноармейцам по выявлению случаев «гастролерства» и реализации мер по его пресечению, среди которых были как законодательные попытки ограничения права нетрудоспособных на перемещение внутри страны, так и систематизация, упорядочение разовых социальных выплат, а также прочие нестандартные способы борьбы.

Ключевые слова: инвалиды; гастролерство; органы социального обеспечения; комитеты помощи инвалидам; мошенничество.

1. Введение

Одной из характерных особенностей социальной жизни эпохи нэпа было такое малоизученное, но при этом довольно распространенное яв-

ление, как «гастролерство» инвалидов. Изначально оно было связано с потребностью инвалидов после окончания гражданской войны, в ходе которой многих из них «разбросало» по стране, вернуться домой, позже — с необходимостью перебраться к месту жительства семьи или родственников. Однако значительная часть инвалидов, не имевших оснований для этих видов помощи, активно пользовалась подобной возможностью. Они путешествовали по стране, останавливаясь в больших городах, отправлялись в местные органы социального обеспечения и пытались получить разовую материальную помощь на проезд и пропитание, рассказывая «жалостливые истории» о том, что они следуют к месту лечения или обучения, или о том, что у них украли в поезде все вещи и документы и они не смогут без посторонней помощи добраться домой. Таких инвалидов называли «гастролерами», подразумевая особую категорию нетрудоспособных или выдающих себя за таковых лиц, которые, пользуясь отсутствием регламентации разовой материальной помощи в конкретных неординарных ситуациях, сознательно занимались вымогательством средств у органов социального обеспечения.

«Гастролерство» стало отличительным признаком образа жизни советских инвалидов и частью новой социальной практики, связанной с проблемами незащищенных категорий населения, решать которые была призвана формируемая государством социальная политика. Особенности ее становления отражены в ряде научных публикаций, появившихся в последние годы [Васильчиков, 2015; Гуменюк, 2012; Гуменюк, 2013; Гуменюк, 2014; Игольникова, 2010; Ким и др., 2010; Ковалев, 2015]. В ряде работ [Ковалев, 2013а; Ковалев, 2013б; Лебина, 2016] освещена повседневность инвалидов как часть той социальной реальности, в границах которой возникало «гастролерство», изучен ряд социальных проблем, которые приводили к появлению этого явления, а также основные направления государственной социальной политики, призванной содействовать улучшению жизни нетрудоспособных граждан, в том числе склонных к незаконному перемещению по стране и попрошайничеству. Довольно подробно отечественными и зарубежными историками изучена практика социального обеспечения и социального страхования, предусматривавшая меры как профилактического характера, так и оперативное «вмешательство» советских органов в области решения проблем лиц с инвалидностью [Ковалев, 2014; Семенова, 2010; Хлынина, 2010; Холостова, 2016; George et al., 1980; Madison, 1968].

В то же время, к сожалению, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии работ, в которых хотя бы частично были отражены вопросы, связанные с этим явлением или с мошенничеством лиц, имеющих ин-

валидность, просто не существует, либо они не были обнаружены автором настоящей статьи, который будет крайне признателен представителям научного сообщества, если они встречали подобные публикации и могут поделиться своими сведениями.

2. Кто такие инвалиды-«гастролеры»?

Народный комиссариат социального обеспечения и его представители на местах регулярно сообщали: «Наблюдается большой поток <...> инвалидов, жаждущих помощи от <...> собеса и безусловно не имеющих никакого отношения к [инвалидам]» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4]. М. П. Роги, характеризуя подобное поведение нетрудоспособных, в сборнике очерков об их жизни приводил слова одного из инвалидов: «На войне мы все огрубели, животной жизнью жили. Потом пошла езда (гастролерство), мошенничество» [Жизнь ..., 1924, с. 35].

«Гастролерство» проявлялось в самых разнообразных формах. Чаще всего с инвалидами-«гастролерами» ассоциировались те, кто получал индивидуальную разовую помощь. Местные комитеты помощи инвалидам войны и красноармейцам, в обязанности которых входило предоставление разовой помощи, чаще всего оказывались под огнем критики. Компомам советовали «задуматься», кому они оказывают поддержку, и «прийти к такому заключению, что большая часть добываемых средств от предприятий должна идти не на улучшение положения индивидуалов-гастролеров, а на улучшение положения тех лиц, которые свой труд и силы отдали в борьбе за жизнь» [ГАИО, ф. р-558, оп. 1, д. 90, л. 66].

Представитель Иркутского отдела губернского социального обеспечения, чьи слова приведены выше, однозначно отождествляет лиц, которым компомы выдавали единовременные пособия, с мошенниками-«гастролерами». Однако вряд ли всех инвалидов, кто просил небольшие (до 20 руб.) пособия на приобретение обуви, оплату коммунальных услуг или организацию похорон, можно причислить к группе ненастоящих инвалидов. Впрочем, вполне вероятно, что именно среди просителей разовой помощи чаще всего оказывались те, кто промышлял приписыванием себе статуса инвалида.

Материалы об обследовании деятельности сибирских компомов за 1923 год показывают, что среди «гастролеров» оказывалось немало так называемых «пограничников», то есть инвалидов войны, имевших пограничное расстройство личности — сложное заболевание, связанное с нарушением восприятия окружающего мира. Поскольку специализированных учреждений для таких инвалидов не существовало (они появятся, но гораз-

до позже), в больницах их не держали и даже выгоняли из них, а никакой медицинской помощи в отношении таких лиц советским законодательством периода нэпа не предусматривалось, так как душевнобольные статусом инвалида не обладали, им ничего не оставалось, как побижаться, и в этой среде развилось «патологическое бродяжничество». Отчет приемной Всесоюзкома за 1922 год говорит о том, что «до 70 % обращающихся, судя по экспертным свидетельствам, были душевнобольные», которым индивидуальная помощь производилась «под угрозой насильственных действий и <...> только развивала <...> гастролерство» [ГАРФ, ф. р-374, оп. 12, д. 82, л. 44].

Действительно, многие инвалиды в своих требованиях оказать им помощь в качестве причины указывали то, что их не принимают в лечебные учреждения для специального лечения, а у них из-за этого нет возможности вернуться к постоянному месту пребывания. Но в качестве основания для помощи такая причина вряд ли могла считаться законной, поскольку если органы собесов с мест отправляли инвалида на лечение, то брали на себя все связанные с его передвижением и размещением расходы.

И все же основной причиной «гастролерства» называлась несознательность самих инвалидов, а также «их интерес к <...> скитанию» [ГАКК, ф. р-49, оп. 1, д. 445, л. 164]. Далее приведены конкретные случаи, которые могут помочь понять, как зарождалось и проявляло себя «гастролерство».

Инвалид гражданской войны Ильин из Иркутска узнал, что другие инвалиды, некто Ершов и Медведев получили из местного собесов пенсию в двукратном размере для проезда по стране, обратился с той же просьбой в собес, мотивируя свою просьбу необходимостью поездки в Баргузин, и был крайне недоволен, когда ему отказали. А дело в том, что у Ершова всего-навсего с собой было поручительство из другого органа социального обеспечения, а у Медведева — путевка на курортное лечение. У Ильина же, кроме желания съездить в Баргузин, не было ничего [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4об].

В Томск осенью 1925 года прибыл инвалид Киселев. Местный окружной собес на основании резолюции Председателя окрисполкома т. Майорова снабдил его билетом и суточными деньгами до г. Красноярск. Через день он явился к Майорову и заявил, что потерял документы и проезд до Красноярск, и председатель повторно снабдил его всем необходимым. «Тотчас по получении денег Киселев напился и <...> явился в окружном РКП(б) за помощью и учинил скандал. Пришлось прибегнуть к помощи милиции» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4об].

Инвалид Красной Армии Скудьянова обратилась с заявлением в Иркутский губкомпом с просьбой отправить ее в Свердловск. Ей купили би-

лет и дали 1 руб. на пропитание. С чем было связано это нарушение, сказать трудно. Можно лишь предположить, что женщина-инвалид-красноармеец была настолько редким посетителем в органах собес, что никто даже не подумал о том, что она может быть «гастролером» [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 337, л. 18об].

Приехавший в Красноярск инвалид гражданской войны Маташков в январе 1925 года написал заявление председателю Енисейского губернского комитета помощи инвалидам с просьбой о «выдаче <...> денег на пропитание и также на квартиру», так как он не имеет никаких средств, и просил не отказать ему лишь потому, что он «как инвалид гражданской войны <...> и прошу не отказать в моей просьбе» [ГАКК, ф. р-1961, оп. 1, д. 5, л. 2]. Председатель Енгубкомпома запросил сведения о Маташкове и выяснил, что тот приехал в Сибирь из Харькова, а тем временем сердобольные сотрудники комитета уже успели оплатить счет, выставленный инвалиду за аренду квартиры. После этого Маташкова отправили обратно домой, однако до Харькова он так и не доехал [ГАКК, ф. р-1961, оп. 1, д. 5, л. 225]. Случилось ли с ним что-то в дороге, или ему не хватило денег, чтобы вернуться на родину, или он стал «гастролером», будучи вынужден ехать через всю страну, имея в кармане только средства на билет, или же он давно был профессиональным мошенником, — остается только гадать.

Инвалид-рабфаковец Голяркин обратился в тот же компом с просьбой о помощи — он просил выдать ему 65 руб., так как у него «украли все средства при переезде на курорт». Однако в этом случае инвалиду отказали, приняв его за «гастролера», мотивируя свой отказ инструкцией из Москвы — прекратить выплату пособий для проезда инвалидам даже в случае, если их обворовали [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 337, л. 20об].

Эта ситуация очень интересна и требует более пристального разбора, с тем чтобы можно было дать ответ — был ли Голяркин «гастролером». С одной стороны, если инвалид действительно был рабфаковцем, то он должен был знать о существующих правилах проезда для инвалидов, пусть даже он ехал не к месту учебы, а на курортное лечение, в том числе и о том, что ни проезжающим, ни утерявшим документы, ни кому другому без имеющихся на то оснований помощь не полагалась. С другой стороны, в дороге с беспомощным инвалидом действительно могло произойти все, что угодно, и как в этом случае следовало решать проблему инвалида, указаний не было. Получается, что у инвалида, даже если он был «настоящим», а не «гастролером», в чрезвычайной ситуации просто не было никаких вариантов для элементарного выживания. Вернуться домой он не мог, остаться тоже не мог, поскольку ему просто негде было жить, полу-

чать пенсию из «нового» собеса у него при отсутствии документов также не было права. Оставалось только нищенствовать и ждать, когда его «заберут» с улицы, оформят как «беспризорного» и отправят в инвалидный дом.

3. Законодательные попытки ограничения гастролерства

В 1923 году масштабы «гастролерства» стали настолько серьезными, что Народному комиссариату социального обеспечения пришлось реагировать довольно жестко, обвиняя в росте незаконного передвижения инвалидов не только их самих, но и местные отделы органов социального обеспечения, которые невнимательным образом относились к выдаче проездных документов. Так, в циркуляре «О передвижении инвалидов» нарком Н. А. Милютин сообщал, что «наблюдается все учащающееся передвижение инвалидов с места на место по удостоверениям и иным документам губернских и даже у[ездных] собесов, причем в самих документах почти всегда отсутствуют необходимые основания для оправдания передвижения инвалидов». Имелось в виду, что направление инвалидов в другие губернии производится местными собесами «под видом поездок для лечения, протезирования, поступления в учебные заведения», при этом удостоверения на право поездки выдаются «преступно легкомысленно, без предварительного запроса ведомств или учреждений, в распоряжение коих инвалид направляется» [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 83, л. 68].

Причем нарком явно не видел ничего предосудительного в самом «гастролерстве», объясняя свою непримиримую позицию в вопросах о перемещении инвалидов желанием оградить последних от «небрежного отношения» к их интересам: мол, из-за халатного отношения местных чиновников к вопросам выдачи проездных документов инвалиды оказываются «на местах назначения в чрезвычайно тяжелом положении». Однако в дальнейшем становится ясно, что Н. А. Милутиным в большей степени двигало стремление к сокращению государственных расходов.

В том же циркуляре были установлены правила выдачи инвалидам удостоверений на право поездки [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 83, л. 68об]. Во-первых, командировочные удостоверения могли выдаваться только губернскими (не уездными, не городскими) органами социального обеспечения «лишь инвалидам-иждивенцам собеса и крестьянских комитетов общественной взаимопомощи». При этом все прочие документы, «являющиеся основанием к выдаче удостоверения», за исключением курортной карты, вызова в лечебное учреждение и т. п., у инвалидов отбирались.

Во-вторых, в командировочном удостоверении следовало точно указать основание его выдачи ссылкой на документы, подтверждающие ос-

нование. Такими основаниями могли считаться: 1) вызов инвалида для зачисления его в учебное заведение; 2) вызов органами здравоохранения для протезирования; 3) вызов для помещения в специальное лечебное заведение; 4) перевод обеспечиваемого на иждивение органа собеса по месту постоянного жительства при обязательном условии согласия органа собеса нового места назначения; 5) передача обеспечиваемого на иждивение иногородних родственников при условии документального подтверждения местонахождения таковых, заверенных органами социального обеспечения; 6) иные случаи, когда необходимость поездки удостоверяется протоколом коллегии губернского отдела социального обеспечения с соответствующим постановлением. Уездные собесы права выдавать удостоверение на поездку инвалидов за пределы губернии больше не имели.

В-третьих, кроме самого удостоверения органы собеса выдавали инвалидам документы, подтверждающие их право на получение пятидесятипроцентной скидки на проезд.

Органами социального обеспечения рассматривалась даже возможность регулярного издания списка «инвалидов-гастролеров», в котором были бы перечислены имена и фамилии самых злостных мошенников. Однако при обсуждении этого вопроса общественными организациями идея одобрения не получила. В частности, Всероссийский комитет помощи инвалидам выступил против, мотивируя свое решение тем, что «гастролерство» постепенно само себя изживает, достаточно просто «самым категоричным образом немедленно прекратить» выплату каких бы то ни было пособий для проезда инвалидам — ни проезжающим, ни потерявшим документы, ни даже обворованным. Всероккомп допускал «в исключительных случаях решение вопроса в полном объеме». Таких случаев могло быть всего три: а) направление инвалидов на новое место жительства с соответствующей отметкой на всех документах; б) направление в стационар для психических больных; в) предоставление инвалиду работы на новом месте проживания [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 533, л. 63].

Еще один циркуляр НКСО № 73 от 4 октября 1923 года «О мерах к урегулированию передвижения инвалидов по республике» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 33] категорически воспрещал «под страхом суровой ответственности за растрату народного имущества» оказывать какую бы то ни было помощь обращающимся за ней инвалидам, прибывшим без предусмотренных означенным циркуляром документов или заявившим об утере последних. На местах органы социального обеспечения поначалу действовали осторожно, «признавая необходимым вести в дальнейшем политику замены материального удовлетворения

пособиями инвалидов войны в целях пресечения среди инвалидов «гастролерства» через вовлечение их «в общую трудовую семью». Однако, к примеру, молодые советские чиновники из Сибири понимали, что есть определенные «объективные условия», в силу которых прекратить индивидуальные выдачи пособий проезжающим пока не представляется возможным, при этом имелась в виду, конечно, слабая организованность дела социальной защиты в регионах. Поэтому, несмотря на строгие предписания, продолжалась выдача индивидуальной помощи, правда, только в исключительных случаях, и только с привлечением средств местных комитетов помощи инвалидам через кредитование органов социального обеспечения. Помощь осуществлялась в виде доплат при передвижении инвалидов к месту постоянного жительства или выдачи суточных денег [ГАТО, ф. р-252, оп. 1, д. 113, л. 27об].

Сибирский краевой отдел социального обеспечения, игнорируя этот циркуляр, превышал свои полномочия, обязывая принимать на обеспечение в течение продолжительного времени инвалидов, в большинстве случаев утративших или не имеющих права на помощь. Так продолжалось вплоть до 1926 года, хотя еще в апреле 1923 года НКСО был издан циркуляр [ГАТО, ф. р-252, оп. 1, д. 109, л. 3—3об] специально для местных уполномоченных органов социального обеспечения. Это был текущий и малозначимый документ, больше похожий на инструкции для чиновников, однако в нем содержатся очень важные сведения по теме настоящего исследования.

Во-первых, в нем прослеживается стремление Наркомата социального обеспечения четко разграничить тех, кто действительно нуждается в помощи при перемещении по стране, и тех, кто является «гастролером». К первым отнесли лиц, обращавшихся за помощью в ходе «массового передвижения» по таким причинам, как заказ протезов или помещение в инвалидный дом. Конечно, истинных причин было гораздо больше, но уже приведенное в циркуляре ограничение указывает на то, что НКСО пытался навести порядок и регламентировать практику помощи инвалидам-«путешественникам». «Гастролерами» были названы люди, которые «разъезжают повсюду с целью получения пособия “там и здесь”». Понятно, что подобная характеристика инвалида-«гастролера» была крайне размытой, но, очевидно, государство четко определило для себя, что любой инвалид, не направляющийся за протезом или в специализированное учреждение, автоматически становится мошенником.

Во-вторых, причиной неснижающегося потока «гастролерства» НКСО называл то, что местные органы собесов «халатно относятся к делу вынуж-

денной дисциплинированности инвалидов». Очень важно обратить внимание именно на формулировку «вынужденная дисциплинированность», поскольку она, с одной стороны, показывает, что государство больше не согласно мириться с самим явлением «гастролерства», который она неформально допускала в годы послевоенной неустроенности, видимо, понимая, что для части инвалидов попрошайничество у государства было своеобразным способом выживания. Теперь для НКСО и его представителей на местах это «дело», которому они будут уделять самое пристальное внимание. С другой стороны, такой подход недвусмысленно указывал на то, что сами инвалиды, пусть вынужденно, но должны стать более дисциплинированными, то есть начать отдавать себе отчет в том, что, если ты поехал без документов, или по неосмотрительности потерял их, или позволил себя обворовать, в глазах чиновников из собеса даже при абсолютной правдивости ситуации, в которой ты оказался, будешь выглядеть «гастролером» и не получишь помощи.

В-третьих, циркуляр описывает стереотипное поведение «гастролера», а также истинные мотивы его деятельности. Чаще всего «гастролирующий» приходит в собес или подобный ему орган, где и получает если не подлинники, так копии со своих документов, с которыми он как инвалид пробирается, куда ему нужно, обращаясь во все без исключения учреждения, от которых можно что-нибудь получить» [ГАТО, ф. р-252, оп. 1, д. 109, л. 3—4]. Это принципиально другой подход, нежели обычно упоминаемый в подобных документах. Традиционно «гастролера» обвиняли в том, что он удовлетворяет свою сиюминутную потребность в материальном обеспечении, поскольку не желает работать, продолжая сидеть на шее у государства. Здесь же речь идет о том, что фальшивый инвалид обращает свое внимание не на перспективу денежного вознаграждения, а на значимость документов, подтверждающих статус нетрудоспособного, поскольку с нужными бумагами он может обращаться «во все без исключения учреждения, от которых можно что-нибудь получить». Помимо этого, в циркуляре указана и конечная цель «гастролера»: «часто он становится торговцем на рынке, собирая огромные средства». Естественно, появление еще одного нетрудового элемента в советском обществе «благодаря» тому, что органы собеса «по своей халатности» не выявили истинного «гастролера», было крайне нежелательно и для советской власти, и для настоящих инвалидов, которые вместо того, чтобы приносить пользу обществу, включаясь «остатками своего труда» в общественно-полезную деятельность, невольно обречены «на разнузданность, дискредитируют учреждения и безусловно приносят вред республике».

4. «Гастролерство» инвалидов в Сибири

В Москве органы собесов и Всерокомпома полагали, что «гастролерство» как попрошайничество было распространено в крупных торгово-промышленных губернских центрах. Однако это было серьезное заблуждение — в Томске, который отнюдь не был крупным центром торговли и промышленности и, по выражению Томского губисполкома, являлся отсталым губернским центром, постоянно наблюдался наплыв инвалидов, среди которых вполне могли быть и «гастролеры». Все дело в том, что в Томске были наиболее развитые в сибирском регионе лечебные учреждения (в частности, протезные мастерские), а также образовательные заведения, куда стекались для получения медицинской и протезной помощи, а также поступления на рабфаки и в вузы инвалиды не только со всех уголков Сибири, но зачастую и со всей России.

В связи с этим, как отмечали представители томского губкомпома, «строгое выполнение циркуляров НКСО и Всерокомпома не могло быть проведено, т.к. приезжавшие в своей массе инвалиды не являлись гастролерами, мотивы каждого — вылечить, получить протез». Томский губкомпом был вынужден встать «на путь широко-развернутой лечебной помощи, протезирования и содержания на время оказания помощи в инвалидных домах», в результате чего за ним образовалась огромная задолженность в размере 8401 руб. 42 коп. [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 290, л. 11].

Выполнять требования «сверху» о неоказании материальной помощи всем проезжающим и приезжающим инвалидам на деле оказалось крайне трудно. В 1925 году на имя первого помощника прокурора Томского округа пришла объяснительная записка из окружного отдела социального обеспечения, в которой разъяснялась типичная ситуация с тем, что проезжающему инвалиду не была оказана материальная помощь. Некто инвалид Клятковский прибыл в Томск и обратился в местный окрсобес с просьбой выдать ему средства для дальнейшей поездки, в которой он занят розыском родственников. После того, как Клятковскому отказали, он обратился с жалобой в местную прокуратуру.

В своем письме представители окрсобеса сообщали, что оказать какую-либо помощь инвалиду «не представлялось возможным, поскольку в г. Томск он прибыл <...> без предусмотренных законоположениями Наркомсобеса документов <...> [и был] временно определен в инвалидный дом» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4]. Кроме того, окрсобес разъяснял, что «поездка инвалидов на народные средства для розыска родственников никакими законоположениями не предусмотрена, и НКСО циркуляром своим за № 73 категорически, под страхом суровой ответственности

за растрату народных средств, запрещает органам собесов оказывать материальную помощь тем инвалидам, которые обращаются за помощью без соответствующих на то документов» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4].

Как писали представители органов социального обеспечения из Томска, «эти лица <...> встречают упорный отказ в просимой помощи. Недовольство их в таких случаях безусловно громадное, и они не гнушаются обложить самой отборной бранью, грозить расшибить голову и все, что угодно, демонстрируя самые отчаянные припадки, с криками валяясь по полу» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4].

Представители органов социального обеспечения заявляли, что они «безусловно, не отрицают, что незначительная часть из них действительно имеет заслуги по службе в Красной Армии, но в подавляющем большинстве эти лица имеют “заслуги” в деле развития гастролерства» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4об].

Томские чиновники, столкнувшиеся с подобными инвалидами, давали подробную характеристику их социального поведения: «...такой гастролер определенно уверен, что <...> он может получить известную сумму, ибо прибывавшие [ранее] в г[ород] <...> гастролеры уже успели поставить его в известность, что <...> можно пожить. Как на характерную черту организации связи среди гастролеров, можно указать на то, что часть гастролерирующих <...> ставят в известность позади следующих товарищей, где и как можно пожить. Так <...> известно, что на ст. Тайга побывавшие в Томске инвалиды, получившие помощь, поставят в известность позади следующих товарищей путем надписи в общественной уборной, указывая при этом необходимый метод действия (дебаш, демонстрация припадков, утеря документов и проч.)» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4об].

Сами органы социального обеспечения нередко обращались с жалобой в местные исполкомы на то, что в то время, как «органы Собеса ведут отчаянную борьбу с искоренением величайшего зла <...> — гастролерством среди инвалидов, за сохранение народных средств», далеко не все государственные учреждения идут им навстречу: «Собес не имеет авторитетного слова, и его отказ в незаконной выдаче не поддерживается никем. Все находят необходимым оказывать обращающимся к ним лицам материальную помощь, в результате такой неправильной линии, взятой учреждениями, собес не может в полной мере сосредоточиться на деле улучшения материального положения обслуживаемого им контингента» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 4об — 5].

В самом деле, в условиях, когда у органов социального обеспечения было недостаточно средств для того, чтобы перейти к политике большего

охвата нуждающихся инвалидов пенсионным обеспечением, улучшить качество протезирования, медицинского обслуживания, обеспечения в инвалидных домах, и они стремились сохранить каждую копейку, другие государственные и общественные организации, даже компом, к которому нередко обращались из собесов за помощью, тратили средства на оказание помощи инвалидам, состоящим на учете в других регионах или вовсе не имеющих статуса инвалида лиц. Неудивительно, что Томский окрсобес спрашивал, когда он перестанет «обеспечивать инвалидов всего СССР в то время, когда он располагает незначительными средствами лишь на обеспечение лиц, проживающих в пределах Томского округа и материальное положение которых, требует неотложного улучшения» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 5].

Органы социального обеспечения разъясняли: «Каждая поездка инвалидов за пределы территории органа собеса предусмотрена соответствующим законодательством и сметой того органа, на обеспечение которого он состоит», поэтому «оказание помощи инвалидам, прибывающим <...> по своему желанию и на собственные средства, явно незаконное» [ГАТО, ф. р-198, оп. 1, д. 91, л. 5].

5. «Беспощадная борьба с гастролерством» и ее основные виды

Во второй половине 1920-х годов органы социального обеспечения и комитеты помощи инвалидам решили начать «самую беспощадную борьбу» против скитающихся в поисках помощи псевдоинвалидов. «Дабы положить конец гастролерствам и явлениям, из них вытекающим, пресечь раз и навсегда получение пособий инвалидами из других органов (кроме собеса)», на места был спущен соответствующий циркуляр, в соответствии с которым от уездных органов социального обеспечения требовалось произвести учет всех инвалидов, «отобрать все документы», выдав взамен удостоверение об инвалидности, которое было призвано одновременно служить видом на жительство, и пенсионную книжку [ГАТО, ф. р-252, оп. 1, д. 109, л. 3об].

Кроме того, были окончательно установлены определенные «правила передвижения инвалидов» [ГАТО, ф. р-252, оп. 1, д. 109, л. 4]. Во-первых, инвалид, которому по каким-либо причинам неожиданно потребовалось переехать из одной местности в другую, мог сделать это только с разрешения местного органа социального обеспечения. Во-вторых, в случае подобного переезда инвалид должен был «иметь данные на этот переезд». Например, если он решил отправиться к родственникам, то должен был предоставить подтверждающий «документ о существовании таковых родственников и согласие их на прием инвалида» (допустим, письмо от родственников, в котором они приглашали инвалида переехать к себе). В слу-

чае переезда местный собес был обязан связаться с органом социального обеспечения по новому месту жительства и выслать почтой дело инвалида, так что получить всю положенную ему по закону социальную помощь он мог только в одном-единственном месте.

При поездке инвалида для приобретения протезов ему следовало выдавать удостоверение, в котором указывалась цель поездки и конечный пункт назначения. При этом инвалид оставался приписанным к своему собесу и помощь, которую он мог получать там, где заказывал протез, предоставлялась из местного уездного органа.

Также администрации инвалидных домов настоятельно рекомендовалось «не допускать отлучек инвалидов <...> без особых причин».

Впрочем, далеко не все местные руководители соблюдали вышеизложенные правила. Так, Томский губсобес жаловался, что нередко «наблюдаются случаи направления с мест инвалидов войны <...> для изготовления протезов без соответствующих документов <...> и даже без удостоверений об инвалидности и пенсионных книжек» [ГАТО, ф. р-252, оп. 1, д. 109, л. 6]. В связи с этим на места были отправлены уполномоченные из губернского отдела социального обеспечения, которые были обязаны проследить за неукоснительным выполнением требований к перемещению инвалидов, а также обеспечить, чтобы они были снабжены командировочными документами из уездного собеса, удостоверением из волостного крестьянского комитета общественной взаимопомощи, особым удостоверением с указанием сведений из формуляра инвалида, а также инвалидной карточкой по установленной форме, в которой должна была быть указана сумма фактической выплаты пенсии, а также аванс на следующий месяц, в который инвалид перемещается по стране с целью получения протеза.

Довольно эффективным способом борьбы с «гастролерством» инвалидов стал отказ от предоставления индивидуальной помощи, и на долгое время и органы социального обеспечения, и комитеты помощи инвалидов забыли о такой форме социальной поддержки. Так, из Омска писали, что местный «губкомпом в настоящее время индивидуальные выдачи совершенно прекратил» [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 176, л. 53об]. Главное внимание в их деятельности было направлено на развитие инвалидной кооперации, и если в компомы обращались инвалиды войны с просьбой о единовременной помощи, то их направляли в инвалидные кооперативы, а помощь оказывали путем уплаты за них членских взносов.

Другим средством преодоления «гастролерства» стала практика, при которой для оказания помощи проезжающим инвалидам к месту жительства компомы отпускали некоторую сумму из своих средств непосред-

ственно органам социального обеспечения, который выдавал «командировочные» только при наличии «законных причин к проезду» [ГАРФ, ф. р-4347, оп. 1, д. 176, л. 53об].

Среди прочих мер следует сказать о «моральном воздействии» на инвалидов, которое рассматривалось в качестве профилактики «гастролерства», хотя оно и признавалось самими органами социального обеспечения неэффективным. Поэтому оно нередко дополнялось привлечением сотрудников уголовного розыска к поиску и наказанию инвалидов-«гастролеров», причем нередко таких, которые попались на мошенничестве (и не только их, но даже тех, кто действительно нуждался в помощи, но не имел необходимых подтверждающих документов), путем помещения их в дома заключения [ГАКК, ф. р-49, оп. 1, д. 445, л. 142об, 164].

6. Заключение

«Гастролерство» 1920-х годах в первую очередь было образом жизни многих инвалидов, средством выживания в тяжелые послевоенные годы, а потом уже социальной проблемой. У государственных органов не было способов распознать, кто настоящий инвалид, а кто выдает себя за такового. К «гастролерам» однозначно приписали тех, кто обращался за единовременной помощью, полагая, что это профессиональные вымогатели.

Для периода нэпа «гастролерство» стало чем-то вроде средневекового профессионального нищенства, когда государство, будучи не в состоянии оказать помощь всем нуждающимся, легализовало попрошайничество. Правда, в случае с «гастролерами» советская власть постаралась как можно быстрее ограничить инвалидам возможности легального получения помощи при отсутствии соответствующего статуса.

Прежде всего, мнимые инвалиды, а заодно с ними и все нетрудоспособные были лишены свободы передвижения и выбора места жительства — права беспрепятственно передвигаться по территории страны, выбирать своё место жительства и пребывания. Фактически перемещение по стране всех «подозрительных» лиц было жестко регламентировано государственными нормативно-правовыми актами и подлежало проверке со стороны органов социального обеспечения. Учет инвалидов на местах обеспечивался тем, что у них отбирали все документы, оставляя на руках только удостоверение с правом проживать в той или иной местности.

В борьбе с «гастролерством» советская власть проявила максимальную жесткость, демонстрируя стремление защитить лиц, действительно нуждавшихся в помощи. Однако в основе политики локализации мошенничества под ликом инвалидности находилась не забота о настоящих ин-

валидах, а прагматизм государственных органов, их стремление к ограничению выплат в тяжелых финансовых условиях, что в конечном счете привело к социальной эксклюзии — исключению не только фальшивых, но и настоящих нетрудоспособных из общества. Впрочем, в то время, возможно, иными способами решить эту проблему было нельзя.

Источники и принятые сокращения

1. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области*. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 90.
2. ГАКК — *Государственный архив Красноярского края*. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 445; Ф. Р-1961. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-374. Оп. 12. Д. 82; Ф. Р-4347. Оп. 1. Д. 83, 176, 290, 337, 533.
4. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 91; Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 109, 113.

Литература

1. Васильчиков В. М. Государственное управление системой социального обеспечения в первые десятилетия советской власти / В. М. Васильчиков // Современное общество и власть. — 2015. — № 3 (5). — С. 9—14.
2. Гуменюк А. А. Модели социальной деятельности в России в 1917—1920 годах / А. А. Гуменюк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2012. — № 3, Т. 12. — С. 107—115.
3. Гуменюк А. А. Социальное развитие СССР в 1929—1941 гг. / А. А. Гуменюк // Клио. — 2014. — № 3 (87). — С. 65—72.
4. Гуменюк А. А. Социальные преобразования в России в 1921—1928 годах / А. А. Гуменюк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2013. — Т. 13, № 3. — С. 91—100.
5. Жизнь и быт инвалидов : сборник / ред. М. П. Роги. — Москва : На помощь, 1924. — 56 с.
6. Игольникова В. А. Элементы социального государства в Советской России 1917—1920 гг. / В. А. Игольникова // Социология власти. — 2010. — № 6. — С. 166—173.
7. Ким М. Ю. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии / М. Ю. Ким, К. А. Кузоро // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 64—67.
8. Ковалев А. С. Благотворительность «по-советски»: комитеты помощи инвалидам войны в 20-х гг. XX в. (на материалах Сибири) / А. С. Ковалев // Журнал исследований социальной политики. — 2014. — Т. 12, № 1. — С. 77—94.
9. Ковалев А. С. Повседневная жизнь нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в 20-х гг. XX в. (по материалам сибирских архивов) / А. С. Ковалев // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 1 (53). — С. 55—61.

10. Ковалев А. С. Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа (на материалах Сибири) / А. С. Ковалев // Историческая психология и социология истории. — 2013. — № 1. — С. 85—98.
11. Ковалев А. С. Реализация государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей в Сибири в 1920—1930-х гг. / А. С. Ковалев // СО-ТИС — социальные технологии, исследования. — 2015. — № 1 (69). — С. 81—88.
12. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. — Москва : НЛЮ, 2016. — 488 с.
13. Семенова Е. В. Советская модель содержания нетрудоспособных граждан / Е. В. Семенова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 48. — С. 120—124.
14. Хлынина Т. П. «Кто более матери истории ценен?»: красноармейцы и инвалиды в системе социального обеспечения (1920-е гг. — начало 1930-х гг.) / Т. П. Хлынина // Проблемы российской истории. — 2010. — № 1 (10). — С. 117—124.
15. Холостова Е. И. Становление системы социального обеспечения и социального обслуживания населения: исторический экскурс (советский и первые годы постсоветского периодов) / Е. И. Холостова // Отечественный журнал социальной работы. — 2016. — № 3. — С. 60—73.
16. George V. Socialism, Social Welfare and the Soviet Union / V. George, N. Manning. — London : Routledge and Kegan Paul, 1980. — 212 p.
17. Madison B. Social Welfare in the Soviet Union. — Stanford : University Press, 1968.

“Touring” of Disabled People as Social Problem of 1920s: Search for Solutions (on Materials of Siberia)

© Aleksandr S. Kovalev (2019), orcid.org/0000-0002-5372-8930, Doctor of History, professor, Department of History of Russia, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia), professor, Department of Social Pedagogy and Social Work, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), alexkovaleff@yandex.ru.

The relevance of the study is due to the need to study the historical features of such a phenomenon as “fraud of the disabled,” which arose in the first decade of Soviet power in the territory of the RSFSR and was called “touring,” when persons who did not have the right to receive social security, received it, attributing the merits of a disabled worker, disabled veteran or disabled old-age. The article analyzes the characteristics of “touring,” allowing to consider the specifics of this phenomenon, familiarity with which leads to the conclusion that it was not only a social problem of the NEP period, but also to a certain extent the way of life of many citizens excluded from society. There are cases of “touring,” helping the reader to understand whether it was a conscious fraud or a way of survival. Attention is paid to the activities of social security bodies and committees for the disabled

and the red army soldiers to identify cases of “touring” and the implementation of measures to prevent it, among which there were both legislative attempts to limit the right of the disabled to move within the country, and the systematization, ordering of one-time social payments, as well as other non-standard ways to combat.

Key words: disabled people; touring; social security bodies; committees of assistance to disabled people; fraud.

Material resources

GAIO — Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti. (In Russ.).

GAKK — Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya. (In Russ.).

GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. (In Russ.).

GATO — Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti. (In Russ.).

References

- George, V., Manning, N. (1980). *Socialism, Social Welfare and the Soviet Union*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Gumenyuk, A. A. (2012). Modeli sotsialnoy deyatel'nosti v Rossii v 1917—1920 godakh. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezh-dunarodnyye otnosheniya*, 3 (12): 107—115. (In Russ.).
- Gumenyuk, A. A. (2014). Sotsialnoye razvitiye SSSR v 1929—1941 gg. *Klio*, 3 (87): 65—72. (In Russ.).
- Gumenyuk, A. A. (2013). Sotsialnyye preobrazovaniya v Rossii v 1921—1928 godakh. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezh-dunarodnyye otnosheniya*, 13 (3): 91—100. (In Russ.).
- Igolnikova, V. A. (2010). Elementy sotsialnogo gosudarstva v Sovetskoj Rossii 1917—1920 gg. *Sotsiologiya vlasti*, 6: 166—173. (In Russ.).
- Kim, M. Yu., Kuzoro, K. A. (2010). Sotsialnaya politika sovet'skoj vlasti (1930-e gg.) v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 334: 64—67. (In Russ.).
- Khlynina, T. P. (2010). «Kto boleye materi istorii tsenen?»: krasnoarmeytsy i invalidy v sisteme sotsialnogo obespecheniya (1920-e gg. — nachalo 1930-kh gg.). *Problemy rossiyskoj istorii*, 1 (10): 117—124. (In Russ.).
- Kholostova, E. I. (2016). Stanovleniye sistemy sotsialnogo obespecheniya i sotsialnogo obsluzhivaniya naseleniya: istoricheskiy ekskurs (sovet'skiy i pervye gody postsovet'skogo periodov). *Otechestvennyy zhurnal sotsialnoy raboty*, 3: 60—73. (In Russ.).
- Kovalev, A. S. (2013). Povsednevnyaya zhizn' netrudosposobnykh grazhdan v usloviyakh invalidnogo doma v 20-kh gg. XX v. (po materialam sibirskikh arkhivov). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (53): 55—61. (In Russ.).
- Kovalev, A. S. (2013). Problemy identifikatsii sotsialnogo statusa pozhilykh lyudej i invalidov v pervoy trety XX veka: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza (na materialakh Sibiri). *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 1: 85—98. (In Russ.).

- Kovalev, A. S. (2014). Blagotvoritelnost' «po-sovetski»: komitety pomoshchi invalidam voyny v 20-kh gg. XX v. (na materialakh Sibiri). *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 12 (1): 77—94. (In Russ.).
- Kovalev, A. S. (2015). Realizatsiya gosudarstvennoy sotsialnoy politiki v otnoshenii invalidov i pozhilykh lyudey v Sibiri v 1920—1930-kh gg. *SOTIS — sotsialnyye tekhnologii, issledovaniya*, 1 (69): 81—88. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2016). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu*. Moskva: NLO. (In Russ.).
- Madison, B. (1968). *Social Welfare in the Soviet Union*. Stanford: University Press.
- Rogi, M. P. (ed.). (1924). *Zhizn' i byt invalidov*. Moskva: Na pomoshch. (In Russ.).
- Semenova, E. V. (2010). Sovetskaya model sodержaniya netrudosposobnykh grazhdan. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 48: 120—124. (In Russ.).
- Vasilchikov, V. M. (2015). Gosudarstvennoye upravleniye sistemoy sotsialnogo obespecheniya v pervye desyatiletiya sovetskoy vlasti. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'*, 3 (5): 9—14. (In Russ.).